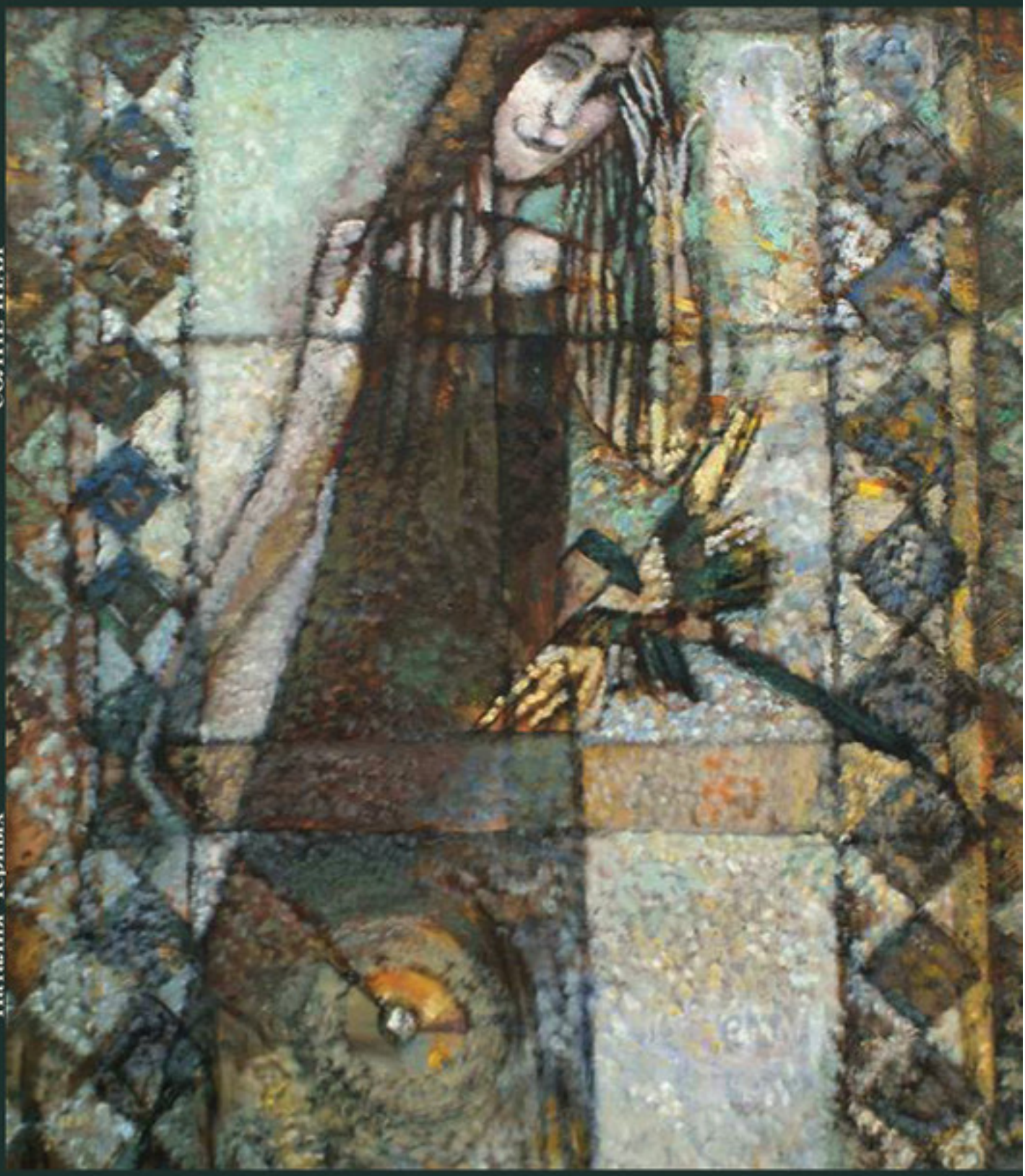
Наталия Черных



СОЛНЕЧНАЯ

Наталия Черных

СОЛНЕЧНАЯ

Наталия Черных

Солнечная

НП «Центр современной литературы»

Черных Н.

Солнечная / Н. Черных — НП «Центр современной литературы»,

ISBN 978-5-91627-133-1

Новая книга стихов Наталии Черных (1969). В этих стихах всё говорит — и паузы, и даже отдельные знаки. Стихи чрезвычайно, избыточно личные — и одновременно начисто лишённые самости. Самость в поэзии, возможно, и зафиксирует оригинальную форму стиха, но и придаст ему замкнутость, надменность, непроницаемость. А «Солнечной» разомкнуты все линии, они превращены в лучи. Потому что — солнечно. Где начинается солнце, там умирает зрение человека. Чтение этой книги похоже на детскую игру — а кто дольше сможет посмотреть на солнце. И потом глаз всегда, всю свою жизнь — видит солнце во всём.

ISBN 978-5-91627-133-1

© Черных Н.
© НП «Центр современной литературы»

Содержание

«Когда выходишь из своих пределов…» 5
Заново 9
Капитан 10
Конец ознакомительного фрагмента. 11

Наталия Черных
Солнечная Стихотворения

«Когда выходишь из своих пределов…»

В раннесредневековых христианских видениях был такой сюжетный ход: душа преставившегося отлетает от тела и наблюдает, как внизу, в комических хлопотах и скорби, продолжается обряд похорон. Но ей уже нет дела до этой части своей истории, ее хлопоты – там, наверху, где, обучаясь новому языку пространства-времени, она – зачем-то (зачем?) выбранная из сонма других – должна до конца досмотреть местами страшный, местами смешной суд. Непременное условие жанра – возвращение души в тело: хождение по ту сторону имеет смысл только для здесь и сейчас. Новоприобретенный опыт следовало применить с пользой для себя и ближних, которым сия «малая эсхатология» передавалась уже на здешнем, полном слишком человеческой, бытовой конкретики, языке. Восставший из сна, транса или мнимой смерти, визионер уже словно бы и не принадлежит исключительно себе – выход из «своих пределов» необратим.

Надо «заново» «лепить себя» («Заново»), менять «и лекала, и вкусы, и мнения тоже» – если, как героиня поэтической книги Наталии Черных, ты «выходишь из своих пределов» («Март»).

«но то всё не я, нет»: растождествление «я» и двойника, наблюдающего и за «сумерками перед рождением», и за апофеозом солнечного света, – лейтмотив книги. Детализация личного (нам – чужого) опыта почему-то не создает дистанции между мной и движущимся камера-глазом. Напротив, любопытно:

Сердце растерянно смотрит, как в магазине:
Надо и розу, и от пигментов, и мыло,
и запах, и – волосы расчесать, и платье —

в котором лежать, уже не вставая…
Сердце растеряно: в нем и нежность и страх, и…
дарами завалено, замолкает.

(«Колибри»)

Любопытство, замирание, сопровождающее просмотр чужого и анонимного хоум-видео, – от этих ощущений невозможно избавиться при чтении «Солнечной». Следуешь за объективом, который прыгает, прерывает сюжет (метасюжет книги), но образовавшиеся лакуны лишь подогревают любопытство. Понимание, что нечто утаено (стерто или не высказано вовсе), рождается от мгновенного соположения детали и – абстрагирования, улета: в прошлое, будущее или вовсе в неопределенное нигде-никуда:

я, темнота, и снег, и те шары…

Как мир играет – черным бриллиантом…

Нет жалости к себе, хотя от слез припомнится такое…

Но то не жалость.

(«На скамейке»)

А остальное – тоже ты. Как боль.
Как литургия. И непостижимо,

Как ветка винограда на полу,
поднять ее… вокруг разлито солнце.

(«Ветка винограда»)

«Ветка винограда на полу» – без таких конкретизирующих, заземляющих жестов лирика Наталии Черных рискует выйти за пределы поэзии как организованного слова: напряжение говорения о сокровенном ощутимо, еще немного – и автору не понадобятся слова. Речь – о том «мраке», куда, по словам Дионисия Ареопагита, всматриваются в поисках «Того, Кто запределен всему сущему», и где начинаются подлинные «неведение, невидение», «бессловесность и безмыслие». Если бы Наталия Черных писала дисциплинированным стихом и не рвала логических звеньев (а она постоянно их разрывает, оставляя многоточия буквально и аллегорически), мы бы опознали здесь символическую поэзию. Потому что в «Солнечной» совершенно определенно присутствует оглядка на трансцендентное. Без этого ориентира субъекту речи здесь не о чем говорить. Лепка метафор и актуальных реалий осыплется сразу же, если не будет подсвечено сзади и сверху нездешним светом. «Солнечная» метафора, обставленная в книге множеством посюсторонних указателей, задает исключительно внеличностный, метафизический масштаб, подталкивая вдруг вспомнить другое мифопоэтическое сцепление:

«Человек умирает. Песок остывает согретый. / И вчерашнее солнце на чёрных носилках несут» («Сестры – тяжесть и нежность – одинаковы ваши приметы…», 1920). И, эхом, еще десятки солнц и лун, которыми плотно набита модернистская память.

Наталия Черных рассказывает исключительно личную историю «обращения», но эта очередная в истории русской словесности метаморфоза (сколько их!) проникнута тем нужным для нашего доверия равнодушием к себе, той мерой типизации, которая вовсе устраняет персональные границы. Где в этих вот стихах «я», кто здесь «ты», о ком идет речь, когда лепится маска Мнемозины?

Пора – как бы ни любила тебя, мне пора.
Пишу, чтобы ты не прочитала,
а если бы прочитала – забыла.

Так забывай, Мнемозина.

Твой профиль белёсый мужской, девятнадцати лет,
русыми локонами…

безысходность, невольная лажа…

– что может быть хуже невольной лажи? –
незнанье вины?

Незнанье вины непростительно! –

с длинным зерном светлых девичьих глаз –

это всё рок-н-ролл, русский, мой – рок-н-ролл? –

профиль тот отвратителен.

(«Последнее письмо Мнемозине»)

Когда избавляются от прежней кожи, вытравляя память, избавляются и от навязчивой персонализации. И, разумеется, не могут избавиться бесследно. Лета и Мнемозина – две равнозначные фигуры в пантеоне автора. Лета зовет оставить всё то, что связано с самостью, с ее мучительным становлением в переполненном Другими человеческом улье. И тогда удается посмотреть на свое «я» новым, равнодушным, исключительно эстетическим взглядом, когда «быть на виду» означает вовсе не словарное «быть на виду у кого-то», а нечто внепсихологическое:

Неловко быть на виду …

…любимого самозабвенного неба

грозы и радуги…

Быть на виду у такого большого в начале дня солнца:
будто превратилась в горсть пепла, но под покровом – огонь.

Неловко: была – и прошла, опалила, оставила метки.
Теперь на сиденье автобуса
волос улёгся.

Теперь кто-то носит одежду и обувь, за дверь выставленную
в новом пакете.

Кто имя моё назовёт – а не надо бы. Иначе снова приду, как
приходят июльские грозы.

Сколько волос уплыло! Как утомительны ливни!
Как тонут автомобили

(«Офелия»)

Как и «ветка винограда на полу», досадный волос «на сиденье автобуса» – непременная дань документализации, инвентаризации опыта «обращения». Без этого доверие высказыванию катастрофически снижается. Доверие – то, что непрестанно удается генерировать этому лаконичному собранию стихотворений. И миссионерство их героини («а мне нужен рот-фронт») принимается без скепсиса, как детское признание, которое всегда – некорректно и в лоб. Потому что эти напряженно ритмизированные, рваные верлибры нам всё о себе рассказали: мы забрались под их блюзовую ритмику в нутро «часового механизма», послушно разглядев вместе с автором «воробьишку в курантах» («Кларнет пространства-времени»), рассмотрели, как «порхает колибри вокруг мобильного телефона» («Колибри»). «И я тоже» – что-то такое рождается от встречи с поэзии «Солнечной»:

И я тоже фрагмент. Как любой пешеход.

(«Заново»)

«Но тебе – говорю (а кому) – дышит море» – такая открытость разговора, реплики которого словно корректируются и обрастают вводными оговорками у нас на глазах, наверное, беспроигрышная позиция сегодня, когда жанр откровения дезавуирован и никто не верит в возможность солилоквиума. Но перед нами – разговор наедине с собой. С неизбежным при этом герметизмом и косноязычием, которое, однако, автор облекает в гуманное для человека две-тысячи-десятых иносказание.

Вера Котелевская

Заново

Листья берёзы – огненные языки – и распадается мир:
в каждом ещё не сгоревшем фрагменте – берёзовый лист.
А между ними – единая бездна ещё-не-бытия.
Колышутся листья под солнечным ветром.

Есть или пить – не хочу. Остатки Москвы ютятся в старой квартире,
грезят ремонтом – как и асфальтовый лес,
наступающий на хрупкие старые зданья.

Ветви берёзы созрели для главного праздника.
…между ними – единая тьма,
а Свет отошёл. Остаётся лишь пламя.

Итак, всё горит. Всё очень красиво горит: и дерево это
со всеми его воробьями,
белые свечи под самым окном, и окна напротив, и то, заповедное,
счастливое окошко твоё…

…что за глупость спрашивать – веришь, не веришь.
На такой глубине…

…что говорить – что сказать – как – обуглена.

…И я тоже – фрагмент. Как любой пешеход.
Как будто бы фото моё кружится, ещё не оторвавшись от ветки,
над бездной,
и не будет уже никого, кто вспомнит или стихи почитает,
кто принесёт молока.

Разве ты – вспоминать о тебе.

Пыль на солнце, берёза и кошка.
Всё твоё.
Леплю себя заново. И не могу предсказать,
что получится.

Капитан

Что есть, кроме вымышленных имён и небольшого
количества денег —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.